

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ДЗ «ПІВДЕННОУКРАЇНСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ
УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ К. Д. УШИНСЬКОГО»
ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА УКРАЇНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ І
МЕТОДИКИ НАВЧАННЯ ФАХОВИХ ДИСЦИПЛІН**

**Українська словесність у полікультурно-освітньому
просторі сьогодення**

**ЗБІРНИК ТЕЗ ДОПОВІДЕЙ
МІЖНАРОДНОЇ НАУКОВОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ**

23-24 вересня 2021 року

Одеса – 2021

Г69

Друк за ухвалою вченої ради ДЗ «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського»
(протокол № 3 від 18 жовтня 2021 року)

Редакційна колегія:

Копусь О.А., перший проректор з навчальної та науково-педагогічної роботи

Кон О. О., декан історико-філологічного факультету;

Кучерява О. А., завідувач кафедри української філології і методики навчання фахових дисциплін;

Прокопенко Л. І., доцент кафедри української філології і методики навчання фахових дисциплін;

Босак Н. Ф., доцент кафедри української філології і методики навчання фахових дисциплін;

Горіна Ж. Д., доцент кафедри української філології і методики навчання фахових дисциплін (*відповідальний редактор*)

Євтушина Т. О., доцент кафедри української філології і методики навчання фахових дисциплін (*відповідальний секретар*)

РЕЦЕНЗЕНТИ:

Мельник С. М. – к.філол.н., доцент кафедри інформаційної діяльності та медіа-комунікацій Державного університету «Одеська політехніка»

Караман С. О. – д.пед.н., професор кафедри української мови Інституту філології Київського університету Бориса Грінченка

Г69 Українська словесність у полікультурно-освітньому просторі сьогодення [Електронний ресурс] : збірник тез доповідей Міжнародної наукової конференції /відп. ред. Ж.Д.Горіна]. Одеса: ДЗ «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського», 2021. 184 с.

За зміст тез наукових доповідей, достовірність цитувань та оригінальність викладення матеріалу відповідальність несуть автори

© ДЗ «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського», 2021
©кафедра української філології і методики навчання фахових дисциплін
©Автори статей, 2021

УДК 81-13

Валерий Беянин

доктор филологических наук, профессор
Торонто, Канада

СЛОВАРИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКА: СЛОВНИКИ И СОСТАВИТЕЛИ

После распада СССР появилась возможность переосмыслить слова, получившие название советизмов. Являясь концептами советской картины мира, советизмы позволяют реконструировать систему координат, которая существовала в советской идеологии. В статье рассматриваются разные способы подачи советизмов в словарях советского языка.

Ключевые слова: словарь, словник, советский язык, советизм, когнитивный анализ, картина мира, идеология

Sovietisms being part of the language in the USSR allow us to reconstruct the coordinates of the Soviet ideology. The article deals with the ways sovietisms are chosen for some dictionaries of the Soviet language.

Kew words : dictionary, vocabulary, Soviet language, sovietism, cognitive analysis, picture of the world, ideology

Постановка проблемы. В словарях советского языка имеются советизмы, которые можно рассматривать как в собственно лингвистическом измерении, так и с точки зрения того, как они отражали идеологию, моделируя действительность. В словарях советизмы описываются двояко: с одной стороны, как отражение господствовавшей идеологии как системы координат, с другой стороны, словарные статьи могут содержать отсылки к аксиологии, когда автор рассматривает их критично и негативно. Иными словами, будучи сами неоднородным языковым материалом, они выполняют в словарях разные функции. Нам представляется, что категориальный анализ советизмов, имеющих в некоторых толковых словарях с учётом определения аксиологии как оценочного отношения автора словаря к материалу, может дать более полное представление о принципах устройства словарей как проявлении языковой и идеологической личности составителя.

Анализ литературы. Идеологический язык был материалом для анализа многих учёных. Так, язык Французской Революции описан К.Н. Державиным [3], язык, возникший после 1917 года, описан С.И. Карцевским в работе «Язык, война и революция» [5]. Особенности языка фашистской Германии представлены в работе Клемперера «Язык третьего рейха» [1]. Негативно относясь к рассматриваемому явлению, автор пишет: «Но язык не только творит и мыслит за меня, он управляет также моими чувствами, он руководит всей моей душевной субстанцией, и тем сильнее, чем покорнее и бессознательнее я ему отдаюсь. А если язык образован из ядовитых элементов или служит переносчиком ядовитых веществ? Слова могут уподобляться мизерным дозам мышьяка: их незаметно для себя проглатывают, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо» [6, с. 11].

Определим советизмы как слова и словосочетания «революционно-советского происхождения» [8]. Многие словари советизмов можно отнести к типу словарей, содержащих ограниченную в употреблении и неактуальную лексику и фразеологию [14, с. 291]. При этом словари советизмов можно считать словарями антропоцентрического типа, которые, по мнению Г.Н. Скляревской, описывают «не абстрактную систему, а живой язык, данный в реальном употреблении и ориентированный на языковое сознание современников» [10, с. 130].

Цели и задачи статьи. Целью данной статьи является анализ словарей советизмов, которые отражают не только научные установки их составителей, но и языковое сознание их авторов, а также их обыденное представление о той эпохе.

Изложение основного материала. Любой автор стремится к объективному описанию материала. Так, в аннотации к работе М. Геллера «Машина и винтики» [2] сказано, что его работы «отличает высокая научная объективность, ясность освещения сложных исторических процессов, глубокое проникновение в их психологическую подоплёку и искренняя боль за судьбу России». Иными словами, отмечается, что автор, при всей объективности, имеет чёткую нравственную позицию.

В предисловии к работе Бенедикта Сарнова [9] также отмечается, что автор, описывая «официальный политический язык советской эпохи» считает, что «это был яд, идеологический яд, которым отравлялось общественное сознание, а тем самым и сознание каждого члена общества». Автор при этом не скрывает своей позиции критического отношения к описываемому явлению.

В аннотации к работе М.А. Хевеши [12] сказано, что «словарь представляет собой ценное справочное издание, характеризующее политический и идеологический язык советского периода, его официальные и официозные клише (в последнем термине нам видится уже неприятие официального советского языка – В. Б.) и языковую реакцию населения на эти идеологические штампы». Иными словами, автор не скрывает того, что в словаре отражено обыденное мышление и, прежде всего, в той его ипостаси, что противостояло официальной идеологии.

С одной стороны, словарь призван отражать языковую реальность максимально объективно [11], однако, с другой стороны, как пишет В.В. Дубичинский, «словарь не может быть бесстрастным нейтральным инвентарем слов и значений в мире страстей, революций, общественных катаклизмов» [4, с. 10]. И он же пишет, что «словарь, как и всякое литературное произведение, не может быть полностью „идеологически чист“, поскольку лексикографический труд рождается в обществе, служит обществу, в обществе же и живёт» [4, с. 19]. Иными словами, можно говорить об ангажированности автора любого словаря, содержащего идеологически нагруженную лексику.

Проводя данное исследование, мы сделали категориальный анализ советизмов, представленных в трёх словарях [13; 9; 12]. При этом мы исходили из того, что политическая идеология создаёт своего рода «свою реальность», которая складывается из взаимодействия трёх компонентов: 1. ‘я свой’ – положительная

самопрезентация; 2. ‘свои ценности’ – когнитивные предпочтения; 3. ‘враги’ – разрушители «наших» ценностей. Иными словами, важной особенностью любой идеологии является деление людей по признаку ‘свой’ / ‘чужой’, что соответствует ‘хороший’ / ‘плохой’.

Мы разбили советизмы на группы по двум основаниям. Первое основание было пространственное – ‘внутреннее’ или ‘внешнее’. ‘Внутренним’ мы посчитали отношение к самой идеологии внутри неё (присущее самой идеологии), а ‘внешним’ – исходящим извне. Вторым основанием было выделение диахронического плана: ‘собственно советизмы’ и ‘более поздние интерпретации’ явлений, которые они обозначают. При этом во всех этих (четырёх) группах мы попытались выявить тональность элементов – ‘хороший’, ‘нейтральный’, ‘плохой’. Соответственно, в категории ‘внутреннее’ и ‘внешнее’ мы выделили следующие группы: ‘внутренний хороший’, ‘внутренний нейтральный’, ‘внутренний плохой’ и ‘внешний хороший’, ‘внешний нейтральный’ и ‘внешний плохой’.

К группе внутренний ‘хороший’ мы отнесли единицы типа *советский, вождь всех времён и народов*. К группе ‘внутренний плохой’ мы отнесли такие единицы, как *классово-чуждый элемент, перерожденец, подписант, безыдейность*. К элементам категории ‘внутренний нейтральный’ мы отнесли единицы типа *жилплощадь, Верховный Совет СССР, военный коммунизм*. Что касается группы ‘внешний хороший’, то туда попали такие единицы, как *Варшавский договор, Совет экономической взаимопомощи*. ‘Внешний нейтральный’ будет советизм типа *идейная борьба*. ‘Внешний плохой’ – это капиталистическое окружение, карибский кризис, кибернетика, лживая пропаганда, агенты империализма.

Вот как выглядит результат нашего анализа:

		Internal			External			old unit			new unit		
		os	eu	eg	os	eu	eg	os-neg	eu	eg	os	eu	eg
Хевеши	18	00	2	5	6	0			0				9
Червинский	84			87		2							2
Сарнов	15	6		2									

А тут эти данные представлены в процентном соотношении:

		Internal			External			old unit			new unit		
		os	eu	eg	os	eu	eg	s-neg	eu	eg	os	eu	eg
Хевеши	100%	7.8	0.0	0.3	.8	.2	.2			.8	.2		.5
Червински	1												

й	00%	.3	.5	4.7			6.1					.3
Сарнов	1 00%	4.8	.1	0.4	.7		.7			.3		.9

Из таблиц видно, что в словарях отсутствуют ‘нейтральные’, ‘старые’ и ‘новые’ элементы и почти нет ‘нейтральных внешних’. Это можно объяснить природой советской идеологии, которая была построена на оппозиции ‘свой’ / ‘чужой’. В ней не предполагались полутона, мышление было чёрно-белым – «*Кто не с нами – тот против нас*». Из этих таблиц также видно, что наибольшее количество негативных советизмов собрано в работе П. Червинского [13], что и не удивительно, поскольку сама работа посвящена именно им. В словаре Б. Сарнова значительно больше позитивных советизмов [9]. В словаре М.А. Хевеши [12] положительных единиц почти половина, а негативных 20% и при этом есть нейтральные (10%).

Словарь М.А. Хевеши написан не в строгих лексикографических традициях (даже по сравнению с другими толковыми словарями). Сами термины очень разнородны, определения не последовательны. Существенной особенностью этого словаря является и то, что автор вставляет в дефиниции свои собственные оценочные суждения. Например: *Активная жизненная позиция – это был своего рода лозунг, призывавший, активно проводить в жизнь линию КПСС. Подобная позиция считалась неременным атрибутом советского человека* [12, с. 19]. Введение квантора *считалось* в словарное определение, указывает на то, что автор слышала сама это мнение и при этом считает его достаточно распространённым и верным. Этот квантор отражает и представление, и мнение автора словаря о той действительности, в которой ей привелось прожить почти всю жизнь.

Единица Ум, честь, совесть нашей эпохи является лозунгом, при этом в словаре она описывается так: «Ум, честь, совесть нашей эпохи» – так называла себя КПСС. Это был расхожий штамп официальной пропаганды, призванный заведомо одобрить все действия КПСС. Коль она воплощает все эти черты эпохи, то действия её непререкаемы... [12, с. 157]. В этом определении есть также явное неприятие того, что стояло за этим лозунгом.

Выводы. Проведённый нами анализ подтверждает мысль о том, что язык может быть использован для искажения информации в целях контроля над сознанием и поведением людей. Манипулирование языком становится важнейшим средством воздействия на общественное сознание, и составные элементы концептосферы советского языка это показывают очень явно.

Концептуальный анализ лексических элементов должен учитывать контекст эпохи, в которой они возникли и функционировали. Для лексикографа важно учитывать временные рамки жизни слов, а также изменения, как синхронные, так и диахронные (более позднее переосмысление и переоценка). Иными словами, языковые единицы следует представлять в динамическом аспекте. При этом лексикографу желательно знать не только содержание понятия, но и понимать

контексты, как официальные, так и не официальные, как внутренние, так и внешние.

Если говорить об аксиологии политического текста (к которым мы отнесем рассмотренные словари), то она относительна: она зависит от позиции реципиента, и она же находится на пересечении смыслов продуцианта и реципиента. При этом лексикографу желательно осознавать свои позиции – исследовательскую, эмоциональную и гражданскую. Скорее всего, лексикографу лучше занимать более нейтральную позицию, менее ангажированную (как со стороны идеологии, так и со стороны её разоблачения). Однако, нам представляется, что лексикограф имеет право ставить перед собой позицию разоблачения манипуляции и создания предпосылок для выработки у носителей языка более рационального и осознанного языкового употребления.

Перспективы дальнейших исследований. Нам представляется, что за текстом, который выражает ту или иную политическую идеологию стоит интерес человека, и тем самым политический текст может выступать предиктором поведения в обществе. Мы можем прогнозировать поведение людей в обществе, ожидая от них либо поведения, которое обусловлено ситуацией и свободным осознанным выбором, либо поведения, которое определяется некоторый «высшей целесообразностью», а на самом деле служит интересам тех, кто оказался «у власти». Нам представляется, что разоблачение языковых манипуляций, проводимых идеологией, позволит сделать жизнь людей более осознанной и более свободной.

Литература

1. *Klemperer V.* LTI: Notizbuch eines Philologen. Berlin: Aufbau. 1947. – P. 433.
2. *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. – М.: Изд-во «МИК», 1984. – С. 336.
3. *Державин К.Н.* Язык Французской Революции. 1789-1799. – Ленинград: 1939. РНБ.Ф.1028.Д.319.
4. *Дубчинский В.В.* Теоретическая и практическая лексикография. Вена-Харьков: 1998. – С. 60.
5. *Карцевский С.И.* Язык, война и революция. Берлин: Русское Универсальное издательство, 1923. – С. 72.
6. *Клемперер В.* LTI. Язык третьего рейха: Записная книжка филолога. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – С. 384.
7. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – С.704.
8. *Овсянникова В. З.* Литературная речь: толковый словарь современной общелитературной фразеологии. – М.: ОГИЗ, 1933. – С. 359.
9. *Сарнов Б.М.* Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. – М.: Материк, 2002. – С. 600.
10. *Склярёвская Г.Н.* Антропоцентрическая лексикография: идеи и практика // Лексикография. Язык. Речь: сб. ст. памяти Анны Липовской. София, 2013.
11. *Фесенко О.П.* Современная лексикография: проблемы и перспективы развития // Инновационное образование и экономика. – 2013. – №13 (24). – С. 68-71.
12. *Хевеши М.А.* Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. Изд. 2-ое. – М.: Международные отношения. – 2004. – С.192.
13. *Червинский П.* Негативно-оценочные лексемы советской действительности. Обозначение лиц. 2015.
14. *Шерстяных И.В.* Практическая лексикография. Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 392.